

230 КАК ЭТО БЫЛО...

**Александр
РОМАНОВСКИЙ**

г. Петрозаводск

НАКАНУН 9 МАЯ.

Разговор с моей бабушкой Гелей

* * *

* * *

Моя бабушка родилась в 1933 году, в начале войны ей было семь лет. Семья её жила в Карелии, в городе Пудоже.

Маму Шлямину Екатерину Фёдоровну, хоть она и была медсестрой, на фронт не взяли, так как 18 апреля 1941 года родились дети Нина и Николай. Работала она медсестрой в Пудожской больнице на отделении, сутками не выходя, лечили раненых солдат и местных жителей.

Что такое военное лихолетье для маленькой семилетней девочки? На её плечах были малолетние братик и сестра, их нужно в ясли с утра отнести, потом самой в школу, а после вновь в ясли за малыши. Весной, летом и осенью на руках носила, а зимой возила на санках в корзине, установив и привязав к санкам, и радовалась, что обоих сразу везёт и не нужно на руках нести, и два раза не нужно ходить из дома в ясли. Плюс работа по дому.

В самой школе отопление было печное, поэтому дрова пилили школьники, а раскалывали уже сторожа, но дров на зиму не хватало, и дети зачастую сидели все уроки, дрожа от холода.

Бабушка Геля:

– Весной ходили на поля колхоза сажать картошку и другие овощи, по осени все дружно отправлялись на уборку урожая.

Что такое уборка картошки? Это идёт одноногий инвалид – дядя Василий (насчет имени бабушка *сомневается*), управляет лошадью и плугом, выворачивает картошку на поверхность, а дети следом картошку собирают, а порой от голода и недостатка силёнок их шатает из стороны в сторону. Взять домой хотя бы по картошине мы боялись, так как это считалось воровством.

В те военные годы к тётё Шуре Шляминой (Александра Михайловна, золовка папы, была замужем за папиным братом), которая работала заведующей в детском саду, приходит повар и спрашивает, что, мол, варить будем на обед? А та отвечает – суп рататуй, и уточняет, всё что есть, клади в котёл – картошку, овощи, ботву овощную и горсть риса, всё в дело идёт.

Первые травки на лугу, крапива – всё в еду шло. Голодно очень было. Весной после схода снега

ходили на поле копать остатки прошлогодней картошки. Те картошины, которые были пропущены при осенней уборке, собирались, толклись и из них делались лепёшки. Когда весной начинали расти «пёстышки» – ростки хвоща полевого, собирали его, зелёную массу высушивали, перемалывали для приготовления котлеток.

А бабушка Поля (папина мать, Пелагея Антоновна Шлямина), когда к ней в гости прибегала Геля с двоюродной сестрой Камой (Камелия Алексеевна Старикова), встречала их с улыбкой и говорила: «Пойдём, девоньки, я вас вкусненьким угощу». И подавала им на праздничной фарфоровой тарелочке лепёшки. Те кушали и радовались. А из чего сделаны лепёшки-котлетки, они и не знали, бабушка Поля не говорила. И только после окончания войны та открыла тайну рецепта этих лепёшек.

В Пудоже была скотобойня, на которой по определённой очереди выдавались кости от животных, которые потом дробили в ступе. Внутри костей что-то было, из костной муки делались лепёшки.

А ещё в Пудоже был колхоз, в котором было стадо коров. Молоко было для фронта. Коров кормили в том числе подсолнечным жмыхом. Приедут грузовики, а местная детвора подбежит и просит водителей: «Дяденька, дай кусочек». А те тайком кидали им кусок жмыха, который ребёнок разгрызал и сосал во рту, а после проглатывал. И были счастливы дети, ощущая иллюзию сытости в животе. Что такое жмых? Это размолотые корочки от семян подсолнечника.

Утром пойдут в школу и придут голодные, а дома на столе крохи хлеба. Ведь по карточкам давали взрослым 200 граммов хлеба, а на детей по 150. Голодные, холодные, раздетые. Валенки у бабушки не было, и она ходила в шерстяных тапочках.

В школе на уроках были голодные обмороки у детей, у двух девочек-одноклассниц умерли матери от голода. Мамина тётка и сестра мамы Гели тоже умерли от голода во время войны – Екатерина и Аполинария Васильевна Николаевские. Про сына Екатерины – Александра – расскажу чуть дальше.

* * *

Память о голоде:

Приходит маленькая Геля домой, плачет и говорит бабушке, чтобы та дала ей хоть корочку хлеба, а та в ответ со слезами – да где же я тебе её возьму?!

Я, её внук Александр, помню эти слова уже со своего детства, и помню, как уже тогда эти рассказы продирали до дрожи. Уже сам смотришь на кусок хлеба и думаешь: неужто вот это и была норма? Тут ведь и есть-то нечего!

* * *

Бабушка Геля:

– Во время войны были мы и голодные, и холодные, раздетые и разутые. Ходила я в школу в каком-то пальто довоенном от тётки Маруси (мамина сестра), а на ногах были тапки, какие мы сейчас дома носим. И это зимой! Тонкие заплатанные чулки, тапки папе сшил сапожник из тёплых тряпок. Всё лето и осень бегали босиком.

Во время войны было в Пудоже много эвакуированных. Их разместили по квартирам Пудожа. У нас тоже жила семья, они привезли с собой корову. Фамилия их была Саловы, звали тётя Таня и дядя Сеня, дети Клава и Миля, был ещё сын, но как звали, не помню.

Так вот эта тётя Таня, несмотря на свою семью, ещё и меня подкармливала, когда я приходила из школы. Давала немного молока и кусочек какой-то запеканки.

После войны они опять уехали на родину.

Вспоминая голод, даже сейчас наворачиваются слёзы. Моя бабушка и мама дяди Шуры умерли от голода. У бабушки был больной желудок, и её долю хлеба мама меняла на стакан молока. Но и это молоко почти всё доставалось мне. У тётки Кати не было даже огорода, так что на день кусочек хлеба и вода.

В 1944 году появились горячие завтраки в школе. Это были одна картошина, кусочек хлеба размером в два спичечных коробка и несколько грибов волнушек. Эта перемена была после 2-3 урока. А чай горячий или компот? Нет, не было такого.

Восьмилетние ходили в лес на болото за восемь километров за клюквой, за Гурьевский мост в сторону Андомы, по старой дороге дойдут до болотины и айда ягодки искать. Первым делом наедимся вволю спелой клюквы, а уже после в корзины собирали. А уже после обратно по дороге шли, корзины поочередно несли. А в лес и на болото, чтобы еды взять с собой, так ничего и не брали, еды не было. Может, та клюква нас, детишек, и спасла, в ней витаминов много. А ранее поспеют грибы или черника с брусникой, так они малые в лес без взрослых уходили в сторону Медвежьегорска.

Вот и вдумайся, внук, во всё это.

* * *

Каждое лето работали на полях в колхозе ради миски супа и трудодней... Летом во время каникул пололи грядки с турнепсом или картошкой. Встаёшь на одном конце грядки, а другой на горизонте. До обеда одну грядку прополешь, а потом в обед суп привезут покушать. Норма – две грядки на один день. А перед этим встанешь в шесть утра, на завтрак мама даст одну картошину, если та была, и говорила, что в обед на поле супа дадут вкусного, а уж вечером что будет... За отработанные дни давали трудодни, а за них потом по мере созревания овощей давали корзину морковки, капусты, репы, турнепса. А вот за посадку картошки весной и выкопку урожая осенью трудодней и самой картошки не давали, т.к. работали во время учебного года. В обед только кормили миской супа или какой похлёбки, а сами мы картошины в карман не брали, т.к. были воспитаны в суровых законах того времени, когда за воровство и расхитительство народного достояния был суд с приговором вплоть до тюрьмы или даже расстрела.

* * *

Бабушка вспоминала случай, когда она со своим папой шла в лес по грибы через колхозное поле, засеянное горохом, отец срывал пару стручков и доставал горошины в ладошку, так маленькая Геля плакала: «Папа, не надо, посадят ведь!», а тот отвечал, что всего три стручка для дочки сорвал. Или другой случай. Идёт Геля по улице имени Карла Маркса, где сейчас современный музей в Пудоже находится, а на углу кожурка луковая на земле валяется. Так Геля боялась наклониться и посмотреть, может, сварить что-то и скушать можно. До того было понятие о честности внутри детей и взрослых того времени, что не моё и трогать чужое нельзя!

* * *

Тут бабушка Геля встряхнула головой и хлопнула ладошкой по столу. Все льготы имеют! И участники войны – ветераны, и узники концлагерей, и ветераны тыла, а детей войны обделили! Ведь те самые дети 7-14 лет по сути собирали весь урожай наравне со взрослыми, и большей частью самостоятельно, ведь взрослые работали

на своих направлениях. А получается, что их труд забыт, вроде как его и не было. Они были такими же тружениками тыла, также помогали взрослым, и не только в весенней посадке и осеннем сборе урожая, летними прополками и поливами, много ещё работы было какой! Конечно, данных об их работе в годы войны ни в каких кадрах не сохранилось, и потом при выходе на пенсию не могли найти информацию для какой-то копеечной прибавки к пенсии. Причём это ситуация не только с моей бабушкой, это была повсеместная реальность, и многие бабушкины подруги столкнулись потом с такой же проблемой.

Отец Гели, уже мой прадед Владимир Иванович Шлямин, после финской войны, в которой непосредственно участвовал, пришёл инвалидом, и на Отечественную войну его не взяли. Всю войну проработал бухгалтером около посёлка Бочилова на нефтебазе, которая снабжала горючим весь Карельский фронт. Ответственность и важность этой работы была в том, что туда брали только проверенные кадры, а важность осознаётся во фразе: «Снабжали горючим весь Карельский фронт!»

Заодно бабушка рассказывала, как её папа приезжал на майские выходные после открытия реки Журавка, что протекает рядом с городом Пудожем, и они уходили на рыбалку. Отец ставил сети, ловили рыбу, после разводили костёр и варили свежую уху. А ещё из ярких воспоминаний было то, как отец в один год поймал много лещей в сети, которых потом засолили целую бочку, и еды тогда хватило почти на целую зиму.

* * *

Из воспоминаний про родных:

У мамы моей бабушки Гели был двоюродный брат, Николаевский Александр Александрович, который прошёл вначале Гражданскую войну, потом финскую, а после всю Отечественную войну. Служил вроде как рядовым, точно она не помнит. Были награды на груди, а вот какие, к сожалению, сказать не может за давностью лет. Про пройденные три войны практически ничего не рассказывал, много шутил и балагурил, и всегда уводил рассказ на что-то отвлечённое, про детство Гели, т.к. молодой приезжал в Пудож погостить. Иной раз честно ответит, что было иногда страшно, а подробности умалчивал, только замирал на мгновение и взор его останавливался, видно было что вспомнить. Подобная черта была схожа у многих людей, прошедших войну, они предпочи-

тали не рассказывать ужасы войны, отшучивались или просто молчали после вопросов. Может, это был психологический момент и попытка забыть, или вариант защиты своих близких и родных, даже в воспоминаниях они старались оградить их от всего этого.

Ярким примером шуток дяди Саши была фраза: «Геленька, пойдём у графа Панельного поищем аппетит», т.е. предложение пойти погулять на улицу. Про этого человека можно ещё рассказать, что после смерти отца Гели он остался с ними и помогал семье, бабушке Екатерине и её внучке Геле, работал по хозяйству в доме, дрова, магазин, продукты и самовар были его основными делами. До смерти остался одиноким после неудачной любви, когда его невеста ушла к другому, а он ушёл в то время на Гражданскую войну. Крепка была память о любви, а может, ещё как-то сложилось, но всю свою жизнь он потом посвятил своим родным.

А когда Геля подросла и уехала в посёлок Шалу, он каждый вечер говорил: «Поздно уже, раз Геля не приехала, пойду закрою дверь на щеколду». И это уже после, на протяжении многих лет...

Или как-то приехала Геля и спрашивает, есть ли селёдка, очень вдруг захотелось. А рыбы на тот момент не было. Так потом дядя Саша всё время покупал свежую сельдь и в следующий раз, когда она приехала, с радостью сказал, что селёдку он купил, садись за стол кушать!

* * *

Тётя Лида:

Папина родная сестра Лидия Ивановна Шлямина, потом по мужу стала Калистратовой. Молоденькой девчонкой она окончила фельдшерско-акушерскую школу и ушла медсестрой на финскую войну, а потом и на Отечественную.

Был случай широко известный, на основе которого были написаны статьи и книга писателя Репникова, когда финские диверсанты в Отечественную войну напали на медсанбат в районе Петровских Ям. Тётя Лида была участником того случая.

Вечером сделали перевязки раненым, тетя Лида и говорит подругам, чтобы те шли отдыхать, а она подежурит. Вышла на улицу подышать свежим воздухом, смотрит, а у сарая, где старые вещи раненых солдат хранятся, лыжи стоят. А лыж-то в хозяйстве медсанбата не было, поняла, что дело не ладное и финны это, метнулась обратно и предупредить наших успела. А финские

егеря уже по углам здания стоят у двух входов, окружили и подожгли дом. Здание находилось у оврага, так вот медсёстры, врачи, легко раненые и все остальные помогали друг другу выбраться в окна с первого этажа с фразой: «Сколько можешь, ползи, родименький!», чтобы те в сумерках ночи спрятались подальше в овраге.

После завязался краткий бой в стенах медсанбата, героически сражались несколько человек прикрытия, но против хорошо подготовленных финских егерей они выстоять долго не могли. Тяжелораненых финны добились. При свете пожара егеря прошли вдоль оврага, поливая автоматным огнём черноту ночи. Несколько человек было ранено и погибло.

Ещё накануне одна из медсестёр, весёлая украинка Тамара, раскинула карты погадать, увидела что-то не то, собрала колоду веерную в руку со словами, что не будет больше гадать. А потом уже в овраге увидела Лиду, приподняла голову со словами: «Лидонька, ты жива?» А в этот момент раздалась автоматная очередь, и пуля попала ей в голову. Умерла Тамара, вытащив перед этим несколько раненых...

После ночи раненые стали пробираться к линии фронта к нашим соединениям. А как идти? Ведь ничего нет, всё сгорело. Пришлось взять старую одежду из сарая, надеть на раненых, намотать на ноги и так идти. Поэтому многие тогда помёрзли.

И ещё тетя Лида рассказывала, что одна из медсестёр шла с двумя ранеными, дошли до какой-то деревни и, обессиленные, решили переночевать в баньке, стоящей на краю деревни. А утром в баню пришли финские солдаты помыться. Медсестра с ранеными успели спрятаться под полками (сиденья в парной) и переждать, пока егеря помрут. Их не заметили, а уже после они вышли к нашим и их подобрала танковая колонна.

У тёти Лиды также были награды, но вот какие, моя бабушка не помнит.

* * *

Спустя день, когда пришёл вновь к бабушке показать набранный текст её воспоминаний на, так сказать, первичную редакторскую правку, она сделала уточнение. Говорит, что точно про бой не помнит, но вроде так и было, хотя необходимо сделать пояснение, что в медсанбате находились раненые солдаты, а вокруг не было регулярных соединений Красной армии.

Когда раненый попадал в медсанбат, оружие, одежда, личные вещи забирались, ведь солдаты

шли на лечение, а не в бой. Поэтому из оружия был пистолет комиссара (как звать, бабушка не помнит), которого потом в овраге ранило в живот. А что такое пулевое ранение в живот? Без срочной медицинской помощи и квалифицированной операции вероятность поправки человека равна нулю. Вот и просил комиссар тетю Лиду пристрелить его из милосердия, но та отказывалась взять грех на душу. Так и умер комиссар от раны. Поэтому говорить о реальном сопротивлении и бое в госпитале бабушка засомневалась.

* * *

Тётя Надя, вторая сестра папы Гели.

Надежда Ивановна Шлямина:

Первый её муж Герасимов Алексей Алексеевич до войны был заведующим райздравотделом г. Пудожа и всего Пудожского района. Во время Отечественной войны он занимался организацией госпиталей и медсанбатов, их медицинским снабжением и обслуживанием на всём Карельском фронте. Как говорила тетя Надя, начмед, начальник всей медицины! Прошёл всю войну до Берлина. И в одном из писем после Победы писал, что вот долечит раненых, распустит госпиталь и вернётся к родным в Карелию, домой к жене и сыну... Но заболел гриппом, получил воспаление среднего уха и скоропостижно скончался.

Тетя Надя спустя время после смерти мужа вышла замуж за Петра Ивановича Школьников. По факту он был еврей, и отчество у него было Иудович, но все звали Иванович. Был он в годы войны начальником лыжного батальона, прикрывавшего направление вдоль Онежского озера со стороны пос. Пудожгорского. Он перед войной окончил физкультурный институт Лесгафта (если я правильно запомнил) и всю войну провёл на лыжах, участвуя в боевых действиях против финнов. После войны вышел в отставку и работал преподавателем физкультуры в московской школе, которая на то время была показательной по физическому воспитанию и развитию молодёжи, подготовил немало будущих спортсменов для олимпийского резерва. Бабушка помнила, как на торжествах он надевал форму с медалями и орденами на груди.

Мамин (Гели) брат Минорский Вадим Фёдорович до войны окончил наш лесной техникум, а потом получил высшее лесное образование. Прошёл всю войну и закончил её в Берлине. Участвовал в боевых сражениях, о которых также ничего не рассказывал. После войны долгие годы рабо-

тал в Германии, а уже после возвращения в Россию, приехав в Москву, работал в Министерстве лесного хозяйства.

Периодически бабушка Геля спохватывалась, что у неё пироги в духовке стоят, и прерывала свой рассказ, мол, некогда мне, Сашка! Потом, достав противень с пирогом, садилась за стол и продолжала воспоминания. Всплёскивая руками, вспоминала, что внук не накормлен, сидит бедолага с ручкой и на бумаге пишет, а чай уже давно остыл, и я пил с ней чаёк со свежим пирогом.

Сейчас мы помним о героизме наших родных, солдат и с благодарностью склоняемся в поклоне за нашу жизнь, ведь если бы не они, и нас бы не было. Спасибо вам за Победу. Сейчас есть современный слоган «Спасибо деду за Победу!». Спасибо, помним, чтим.

А завершила свой рассказ моя бабушка словами: «Не забудь свою двоюродную сестру Лену поздравить с днём рождения 9 мая!»

8 мая 2015 года.

* * *

Серая тетрадь на 96 страниц, на первой странице надпись в правом углу – 01.11.2000 года. Сейчас на дворе 22.07.2021 года. До меня дошёл факт того, что спустя 21 год я начал доделывать текст, собирая пазл из разрозненных частей.

О МОЁМ ПАПЕ (ТВОЙ ПРАДЕД)

Бабушка Геля:

– Папу я помню очень молодым. Помню, как папу взяли перед финской войной на военные сборы. Они жили в казармах, которые находились в Пудоже, на том месте, где сейчас находится гостиница. Я в это время ходила в детский садик, и мы с мамой ходили по вечерам к нему и долго сидели с ним на улице. Папа для меня выстрогивал ножом детские игрушки, чашечки, ложечки, поварёшки, и я дома ими играла. Эти игрушки очень долго были сохранены. Даже когда мы жили в старом доме, а я уже училась в старших классах, они были положены у мамы в буфет на полочку. Потом, наверно, ими играла моя сестра Нина, и, по всей вероятности, игрушки потерялись.

В детстве папа меня баловал конфетами. Мои

любимые были «Раковые шейки», мармелад и грильяж. Однажды я объелась грильяжем, меня сильно тошнило и надолго откинуло от них. Во время Отечественной войны я часто вспоминала о них, т.к. не только конфет, но и хлеба иногда не было ни кусочка в доме.

Ещё о довоенных конфетах. Хоть и до войны дело, но конфеты появлялись редко, и люди в 6 утра занимали очередь, узнав, что будут продаваться конфеты.

В 1939 году папу взяли на финскую войну. Хотя это была недолгая война в два года, он там потерял всё своё здоровье. В финскую войну ему пришлось быть под Мурманском (может, под Кандалакшей, но где-то на севере, я так помню), морозы стояли до 40-42 градусов. Они лежали в окопах, в которые с болота поступала вода. Спали урывками, т.е. долго спать было нельзя, можно было замёрзнуть насмерть. Дежурный солдат через несколько минут будил и заставлял переворачиваться на другой бок. Бывало, что шинели вместе со льдом откалывали штыками от промёрзшей земли. Всю войну папа да и все солдаты проходили в шинелях и ботинках, обмотками бинтовали ногу от щиколотки до колена. Обмотки – это широкие, до 10 сантиметров, полосы из шерстяной материи. Вот так я и запомнила папу, как он пришёл с финской войны.

Мама очень часто спрашивала меня: «Геленька, когда придёт папа?», а я ей всё отвечала – скоро. А в один день ответила, что сегодня придёт. И вот я иду из детского сада и захожу к маме на работу, а санитарочка Мария Яковлевна мне говорит: «Геленька, беги быстрее домой, мама уже ушла,

папа приехал». Я прибежала домой, и, как сейчас помню, папа сидит на стуле в гимнастёрке и военных брюках, а ноги ещё не раздеты, на них были ботинки с обмотками. Вот обо всём этом мне и рассказал папа, как они мерзли в окопах, даже покурить или развести костёр было нельзя, чтобы финские самолёты не заметили их.

В 1941 году началась Отечественная война. Папу на фронт не взяли, т.к. он получил инвалидность на финской войне. Но он был на «брони» и работал бухгалтером на нефтебазе, в 15 километрах от Пудожа. Это был военный объект для фронта. Около н/базы стоял двухэтажный дом, и там жили все, кто относился к нефтебазе. Летом меня папа брал на нефтебазу, и мы с другими такими же детьми бегали в лес за ягодами и играли в детские игры.

Александр Николаевич РОМАНОВСКИЙ

родился в 1978 году.

Окончил Петрозаводский государственный университет, ЛИФ ЛХ.

Работает в лесном хозяйстве Республики Карелия.

В настоящий момент начальник отдела Карельской лесосеменной станции Филиала ФБУ «Рослесозащита» – «ЦЗЛ Ленинградской области».

Стихи публиковались в коллективном сборнике ФБУ «Рослесозащита» – «Наши полевые дневники» (2021).

Победитель конкурса среди работников ФБУ «Рослесозащита» на лучший рассказ о деятельности учреждения в области защиты и воспроизводства лесов, 2020 год.

В журнале «Север» публикуется впервые.

